

«Люди двадцатых годов»: Павел Пестель и Иван Бурцов

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь идет о повседневной жизни участников тайных политических организаций 1820-х гг. – декабристах. Для характеристики поколения, к которому принадлежали декабристы, используется определение Ю.Н. Тынянова: «люди двадцатых годов». Отмечается, что к этому поколению принадлежали прежде всего молодые дворяне, участвовавшие в войне 1812 г., оформление политических взглядов которых пришлось на послевоенное время. Формулируется основной конфликт, переживавшийся декабристами: между романтическими представлениями о жизни и суровой реальностью политического заговора.

В статье характеризуются основные вехи биографии П.И. Пестеля – руководителя Южного общества, одного из ярких представителей радикального крыла заговора. При этом акцентируется, что автор этих строк уже неоднократно описывал его биографию, выявляется разность отношения критиков и к высказанным автором оценкам, и к самой личности Пестеля. Формулируется, что эта разность обусловлена разностью в отношении к Пестелю современников.

Анализируется политическое противостояние Пестеля и представителя «либерального крыла» заговорщиков – И.Г. Бурцова. Характеризуется личность оппонента Пестеля, его отношение к проблеме взаимодействия общества и власти, его деятельность в тайном обществе, делается вывод о невозможности победы «линии Бурцова» над «линией Пестеля» в конкретных исторических условиях 1820-х гг.

Ключевые слова: декабристы, «люди двадцатых годов», П.И. Пестель, И.Г. Бурцов

Для цитирования: Киянская О.И. «Люди двадцатых годов»: Павел Пестель и Иван Бурцов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 94–104. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-94-104

© Киянская О.И., 2020

“People of the twenties”:
Pavel Pestel and Ivan Burtsov

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities,
Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Moscow, Russia, kianoks@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the everyday life of participants in secret political organizations of the 1820s, Decembrists. To characterize the generation to which the Decembrists belonged, the definition of Yuri N. Tynyanov is used: “people of the twenties”. It is noted that this generation primarily belonged to young noblemen who took part in the war of 1812 and whose political views were formalized in the postwar period. The main conflict experienced by the Decembrists is formulated: between romantic ideas about life and the harsh reality of political conspiracy.

The article describes the main milestones in the biography of P.I. Pestel – the head of the Southern society, one of the brightest representatives of the radical wing of the conspiracy. At the same time it is emphasized that the author of these lines has already repeatedly described his biography, and the difference in the attitude of critics to the assessments made by the author and to Pestel’s personality is revealed. It is formulated that this difference is due to the difference in attitude towards Pestel of his contemporaries.

The political confrontation between Pestel and the representative of the “liberal wing” of the conspirators, I.G. Burtsov, is analyzed. It describes Pestel’s opponent, his attitude to the problem of interaction between society and the authorities, and his activity in secret society. The conclusion is made that it is impossible for Burtsov’s “line” to defeat Pestel’s “line” under specific historical conditions of the 1820s.

Keywords: Decembrists, “people of the twenties”, P.I. Pestel, I.G. Burtsov

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2020), ““People of the twenties’: Pavel Pestel and Ivan Burtsov”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 94-104, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-94-104

Характеризуя поколение декабристов, Юрий Тынянов писал: «На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой... Людям двадцатых годов досталась тяжелая смерть, потому что век умер раньше их».

Реконструируя повседневную жизнь «людей двадцатых годов», поколения молодых дворян, вызванного к жизни Отечественной войной, можно констатировать: их отличительной чертой было

романтическое мировосприятие. Деятельность заговорщиков была основана на романтической любви и к ближнему, и к собственной стране. Однако участие в антиправительственном заговоре диктовало иную – лишенную романтизма, прагматическую – линию поведения. Даже сам факт такого участия ставил членов тайного общества перед необходимостью скрываться и лгать собственным начальникам. Заговорщикам приходилось использовать для достижения целей заговора служебное положение, изыскивать деньги на организацию революции и т. п.

Именно этот конфликт лежал в основе исторического сюжета, связанного с заговором 1820-х годов.

Кроме того, декабристы в истории России – это история конфликтов намерений, идей, планов и, конечно же, людей, носителей намерений, идей и планов.

Никто не ставит под сомнение ту очевидную истину, что на всех этапах развития заговора у декабристов был лидер – Павел Пестель, сын генерал-губернатора Сибири, выпускник Пажеского корпуса, герой Бородина. Блестящую характеристику Пестеля дал в мемуарах правитель дел Следственной комиссии по делу о «злумышленных тайных обществах» Александр Боровков:

Пестель, глава Южного общества, умный, хитрый, просвещенный, жестокий, настойчивый, предприимчивый. Он беспрестанно и ревностно действовал в видах общества; он управлял самовластно не только южною думою, но имел решительное влияние и на северную. Он безусловно господствовал над своими членами, обворожил их обширными, разносторонними познаниями и увлекал силою слова к преступным его намерениям¹.

Многие современники, общавшиеся с Пестелем и оставившие об этом общении свидетельства, отдавали должное незаурядному уму руководителя южан. Одним из первых на эту тему высказался Пушкин, встретившийся с Пестелем 9 апреля 1821 г. в Кишиневе. Комментируя эту встречу в своем дневнике, поэт запишет: «Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. Mon cœur est matérialiste, – говорит он, – mais ma raison s'y refuse². Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нрав-

---

¹ Боровков А.Д. Автобиографические записки // Русская старина. 1898. № 11. С. 337.

² Сердцем я материалист, но мой разум этому противится (фр.).

ственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю»³.

Практически никто из знавших Пестеля и оставивших мемуары о нем современников не мог не описать его «ум»⁴.

Но, в один голос признавая незаурядные умственные способности Пестеля, в оценке его моральных качеств современники разошлись. Многие из них писали об аморализме и макиавеллизме руководителя заговора. «На средства он не был разборчив»⁵, – констатировал Евгений Якушкин.

Князь Сергей Трубецкой был уверен, что «образ действий Пестеля возбуждал не любовь к Отечеству, но страсти, с нею не совместимые»⁶. Начальник штаба 2-й армии, генерал Киселев, отмечал, что «душа и правила» Пестеля «черны, как грязь»⁷. «Нам казалось, – вспоминал адъютант Киселева и заговорщик Николай Басаргин, – что он скорее искал сеидов, нежели товарищей. Ему же, вероятно, представлялось, что мы стараемся уклоняться от него и не доверяем чистоте его намерений»⁸.

«Какова была его цель? – задавался вопросом Николай Греч. – Сколько я могу судить, личная, своекорыстная. Он хотел произвести суматоху и, пользуясь ею, завладеть верховною властью в замышляемой сумасбродами республике... Достигнув верховной власти, Пестель... сделался бы жесточайшим деспотом»⁹. «Если бы он успел достигнуть своей цели, то, по всей вероятности, не усумнился бы пожертвовать соумышленниками, которые могли бы затемнять его»¹⁰, – отмечал Боровков.

---

³ *Пушкин А.С.* Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. С. 14.

⁴ *Басаргин Н.В.* Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. С. 62; *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. С. 364; *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 63, 69; *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886. С. 364; Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 196; Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. 78. С. 45; и др.

⁵ *Якушкин Е.И.* Замечания на «Записки» (“Mon Journal”) А.М. Муравьева // Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 143.

⁶ *Трубецкой С.П.* Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 229.

⁷ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 78. С. 45.

⁸ *Басаргин Н.В.* Указ. соч. С. 62.

⁹ *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 364–365.

¹⁰ *Боровков А.Д.* Указ. соч. С. 337.

От многих других членов тайных обществ Пестеля отличала исключительная заговорщическая честность. Вынужденный много лет вести двойную жизнь, своим единомышленникам он договаривал свои идеи до конца. Идеи же эти – царевубийство, уничтожение императорской семьи, необходимость военной революции и установление диктатуры после победы – казались «нравственным» членам тайных обществ совершенно аморальными. Он хотел, чтобы тайная организация строилась на безусловной дисциплине, подчинении рядовых участников воле руководителей, и прежде всего своей собственной. Ему не без оснований казалось, что победить можно только так. Но многие другие заговорщики полагали, что заговор должен строиться на демократических принципах; Пестель же им казался узурпатором.

Именно с Пестелем было связано большинство внутренних конфликтов, буквально разрывавших тайные общества. С Пестелем спорили, не соглашались, он – с большим или меньшим успехом – доказывал свою правоту. Эти споры часто приводили к краху и реформированию тайных организаций.

В середине 1818 г. Пестель приехал на новое место службы, в Тульчин. Он был адъютантом генерала Петра Витгенштейна, назначенного главнокомандующим 2-й армией. В Тульчине находился штаб этой армии.

Здесь ему быстро удалось собрать вокруг себя штабную молодежь. Сам Пестель был уверен, что завел в Тульчине управу Союза благоденствия. В.М. Бокова же склонна считать тех, кто сгруппировался вокруг Пестеля, отдельной организацией, которую она называет «тульчинское офицерское общество» [Бокова 2003, с. 101]. Через год во 2-й армии появился новый начальник штаба – Павел Киселев, а с ним в Тульчин приехал его адъютант, капитан Гвардейского генерального штаба Иван Бурцов – как и Пестель, признанный лидер тайного общества, член Союза спасения и Союза благоденствия. Бурцов тоже стал руководителем «офицерского общества»; соответственно, между двумя лидерами возник конфликт – первый из череды личных конфликтов, связанных с конспиративной деятельностью Пестеля.

Ивану Бурцову в историографии не повезло: проиграв Пестелю в споре за лидерство среди «тульчинской молодежи», он не удостоился особого внимания советских исследователей. По мнению одного из немногих его биографов, «мировоззрение» Бурцова «лежит в русле умеренного направления в декабризме и составляет один из его оттенков, особенно типичный для этапа раннего декабризма» [Макаров 1981, с. 66].

Между тем среди современников он был личностью очень известной. «Иван Григорьевич Бурцев, человек возвышенной души, благороднейшего сердца, большого ума и редкого образования», – писал о нем журналист Николай Греч¹¹. По-иному расставляет акценты декабрист Николай Басаргин: Бурцов был «очень замечательный молодой человек, не столько по своему уму, сколько по своей деятельности и своей любознательности», он «пользовался репутацией отличного и дельного офицера»¹².

Выпускник Благородного пансиона при Московском университете, в 1812 г. Бурцов «состоял по армии», а с февраля 1813 г., определившись в квартирмейстерскую службу, воевал. После войны он, как и большинство молодых офицеров, учился, слушал лекции знаменитых столичных профессоров и мечтал о счастье Отечества.

«Выдающимся военным историком и теоретиком» называл Бурцова М.К. Азадовский [Азадовский 1992, с. 178]. Активный участник Общества военных людей, он печатался и в «Военном журнале», и в других российских изданиях. Его имя связано со Священной артелью – кружком офицеров-квартирмейстеров Генерального штаба; кружок этот Бурцов организовал вместе с братьями Александром и Николаем Муравьевыми в 1814 г. В момент основания артели Бурцову было 19 лет.

Однажды, сидя с братом и Бурцовым, нам пришло на мысль жить вместе, нанять общую квартиру, держать общий стол и продолжать заниматься для образования себя. С другого же дня все отправились ходить по улицам для отыскания удобного помещения. Бурцов нашел квартиру в Средней Мещанской улице, где мы и поместились. Каждый из нас имел особую комнату, а одна была общая; в хозяйстве соблюдался порядок под моим управлением в звании артельщика. Мы старались исполнять службу свою самым ревностным образом, занимались между тем и дома в свободные часы. В таком положении мы приятно проводили время¹³.

Однако деятельность участников артели не сводилась только к общему хозяйствованию, общим занятиям и «приятному» времяпрепровождению. Посещавший артель лицеист Иван Пущин потом вспомнит, что в этом «мыслящем кружке» велись постоянные «беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас

---

¹¹ Греч Н.И. Указ. соч. С. 331.

¹² Басаргин Н.В. Указ. соч. С. 53.

¹³ Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. 1886. № 2. С. 131–132.

порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими в тайне». Впоследствии Бурцов вступил в Союз спасения, куда приехал и Пущина: он «нашел, что по мнениям и убеждениям» лицеист вполне «готов для дела»¹⁴.

«Мнения» и «убеждения» Бурцова хорошо видны из его частной переписки. Своему товарищу по артели, Николаю Муравьеву, брату основателя Союза спасения Александра Муравьева, он писал: «Всякий добродетельный гражданин должен поставить единою целию своей жизни – принести Отечеству самую величайшую пользу». Под «пользой» же понималась, в частности, борьба с «тайными» врагами государства – людьми с испорченными нравами. «Что может спасти государство от следствий, производимых таковыми нравами? Пожертвование собою добродетельных граждан», – утверждает Бурцов.

«Добродетельный гражданин», по мысли Бурцова, должен «учиться гражданским наукам, наблюдать характер соотечественников». Достигнув же «высших должностей», он получает возможность «говорить царю правду», «советами и действиями своими всему отечеству приносить неизъяснимую пользу». Уговаривая тяготившегося службой в Грузии Муравьева рассматривать эту службу как высокое служение, Бурцов пишет:

Отечество немного имеет сынов, подобных тебе, и ожидает от дел твоих величайшей пользы. Есть ли же ты, имея средства, не будешь употреблять их для блага сограждан, то недостойн будешь имени добродетельного, того имени, которое по всем правам принадлежит тебе¹⁵.

Такого рода патриотизм был вполне традиционен для послевоенных офицерских объединений: он был сродни «кружковой религии, фокусирующей в себе гражданские и христианские добродетели» [Рогов 1997, с. 111]. Из этих расплывчатых размышлений можно сделать вывод: Бурцов вполне разделял веру большинства послевоенных офицеров и в молодого царя, и в реформы, и в то, что – выучившись – «добродетельные граждане» смогут стать советчиками императору Александру в деле реформирования России.

Вполне логичным было участие Бурцова в первых тайных обществах. Он стал членом Коренного совета Союза и, скорее всего,

---

¹⁴ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Худ. лит., 1988. С. 56.

¹⁵ Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. М.: [б. и.], 1975. Т. 1. С. 118–120.

принимал участие в написании нового устава – Зеленой книги¹⁶. От Союза спасения в новом уставе остались две цели – «объявленная» и «сокровенная».

«Объявленная цель союза была распространение просвещения, благотворительности и нравственности, дабы собственным примером и внушениями искоренять пороки, невежество и злоупотребления». «Сокровенная» же цель, которая «нигде положительно не была выражена», сводилась, согласно его показаниям, к подготовке общественного мнения «к новому устройству в государстве, коего ожидали от государя императора, и к освобождению крепостных людей»¹⁷. Обе цели Бурцову нравились; действуя по отрасли «образование», он – еще в бытность в столице – участвовал в организации ланкастерской школы в Гвардейском корпусе и фактически руководил этой школой.

В штаб 2-й армии Пестель и Бурцов принесли тот образ действий, к которому привыкли в столице. Пестель показывал, что оказался в Тульчине «прежде» Бурцова, а потому «прежде его там действовал»; «по прибытии же Бурцова» они действовали вместе¹⁸. Бурцов подтверждал: «В мае месяце 1819 года, приехав в Тульчин, я нашел там Пестеля... и мы вместе стали распространять число членов, я действовал в том духе, как и прежде»¹⁹.

Оба руководителя Тульчинской управы побуждали штабных офицеров и чиновников учиться. Принятый Бурцовым в общество Павел Аврамов, в 1819 г. – старший адъютант Главного штаба 2-й армии, показывал, что в квартирах и у Пестеля, и у Бурцова были «собрания книг о политических науках на французском языке», которые они давали читать желающим, а иногда и читали эти книги вслух. Живший в одной квартире с Бурцовым Аврамов часто заставлял обоих руководителей управы и других участников кружка «в чтении, и нередко о политических науках»²⁰.

Басаргин вспоминал, что у общества было «серьезное» направление: штабные офицеры старались «употребить свободное от службы время на умственное свое образование». Собираясь вместе, они «отдавали друг другу отчет в том, что делали, читали, думали»,

---

¹⁶ *Муравьев-Апостол М.И.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 224.

¹⁷ *Бурцов И.Г.* Следственное дело // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 195.

¹⁸ *Пестель П.И.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 108.

¹⁹ *Бурцов И.Г.* Указ. соч. С. 195.

²⁰ *Аврамов П.В.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Наука, 1969. Т. 12. С. 204.

а также «толковали о современных событиях и вопросах» или об «отвлеченных предметах». По словам Ивана Якушкина, «в Тульчине члены тайного общества, не опасаясь никакого особенного над собою надзора, свободно и почти ежедневно общались между собой и тем самым не давали ослабевать друг другу»²¹.

Тульчинские политические дискуссии поначалу шли, как и в столице, в конституционно-монархическом русле. Бурцов и его единомышленник Николай Комаров приняли в Союз благоденствия Алексея Юшневского, армейского генерал-интенданта. Юшневскому было рассказано, что целью организации «было стараться совокупными силами о распространении просвещения, промышленности и в особенности о искоренении мздоимства по судебным местам, поощряя и поддерживая людей, способных следовать единому внушению правды и бескорыстия»²².

Особого внимания удостоилась речь императора Александра, произнесенная им в 1818 г. при открытии Сейма в Варшаве. По словам Бурцова, речь эта, «в коей изложено было высочайшее намерение распространить со временем и на Россию подобное образование гражданского управления», «много» усилила «общее стремление к снисканию сведений», которые «могли быть употребленными в исполнении общественных обязанностей»²³. Пестель, «воздействуя» на только что вступивших в общество заговорщиков, тоже призывал их «постигнуть» «речь, произнесенную в Варшаве к представителям народным»²⁴.

Характеризуя Бурцова в романе «Смерть Вазир-Мухтара», Ю.Н. Тынянов называл его «либералом», «религией» которого «была умеренность»: «Не всегда либералы бывали мягкотелы, не всегда щеки их отвисали и животы их были дряблы, – как то обыкновенно изображали позднейшие карикатуристы. Нет, они бывали также людьми с внезапными решительными движениями. Губы их бывали толсты, ноздри тонки, а голос гортанный».

Конечно, «либералом» Бурцов был настолько, насколько этот «либерализм» поощряла высшая власть. Декабристская биография «добродетельного гражданина» вполне типична: он безусловно разделял надежды молодых офицеров на введение в России пред-

---

²¹ *Басаргин Н.В.* Указ. соч. С. 51, 58–59; *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма. СПб.: Наука, 2007. С. 36.

²² *Юшневский А.П.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Т. 10. С. 48.

²³ *Бурцов И.Г.* Указ. соч. С. 190.

²⁴ *Комаров Н.И.* Следственное дело // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 394.

ставительного правления и на отмену крепостного права. Его расставание с тайным обществом хронологически совпадает с отказом Александра I от реформ.

Однако Бурцов, как и Пестель, был весьма честолюбив. Из столицы оба лидера тульчинского общественного мнения привезли старый, еще времен устава Союза спасения, конфликт. Тынянов описал этот конфликт лаконично: «Бунт взглянул на пламенный либерализм российский холодными глазами Пестеля».

Суть спора, согласно Бурцову, заключалась в следующем: Пестель «утверждал, что для образования нравов нужны века, но надлежало исправить правление, от коего уже и нравы исправятся». Сам же Бурцов «почитал за великое счастье, если бы в течение своей жизни хотя на одну каплю успел улучшить в своем малом кругу действия». Он «видел большую возможность успеть в жизни гражданской и потому иногда желал, чтоб какой-либо государственный человек, подобно Мордвинову, Сперанскому или приближенная особа к государю приняла первоначальное общество под свое покровительство и направила согласно воле правительства»²⁵.

В этих спорах – развилка истории российского заговора: если бы победил Бурцов и его сторонники, «добропорядочные граждане», если бы им удалось оттеснить Пестеля от руководства тайным обществом, история пошла бы, вероятно, по другому пути. Однако их победа после 1820 г., когда в России началась реакция, реформы были свернуты, а император из «Благословенного» превратился в глазах подданных в тирана, уже вряд ли была возможна.

Литература

- Бокова 2003 – *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
- Макаров 1981 – *Макаров В.Б.* Декабрист Иван Григорьевич Бурцов. Саратов: Изд-во СГУ, 1981. 84 с.
- Азадовский 1992 – *Азадовский М.К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. Т. 2. С. 3–237.
- Рогов 1997 – *Рогов К.Ю.* Декабристы и немцы // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 105–126.

---

²⁵ *Бурцов И.Г.* Указ. соч. С. 195–197.

References

- Azadovskii, M.K. (1992), "Lost works of the Decembrists", Azadovskii M.K. *Stranitsy istorii dekabrizma* [Pages of the history of decembrism], Vost.-Sib. kn. izd-vo, Irkutsk vol. 2, pp. 3–237.
- Bokova, V.M. (2003), *Epokha tainyh obshchestv. Russkie obshhestvennye ob'edineniya pervoi treti XIX v.* [The age of secret societies. Russian public associations of the first third of the XIX century], Reali-Press, Moscow, Russia.
- Makarov, V.B. (1981), *Dekabrist Ivan Grigor'evich Burtsov* [Decembrist Ivan Grigoryevich Burtsov], Izd-vo SGU, Saratov, Russia.
- Rogov, K.Yu. (1997), "The Decembrists and the Germans", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 26, pp. 105–126.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6;
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Kiyanskaya Oksana I., Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;
Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; bld. 51/21, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru